

Жуань Вэньюй попал в этот дом, когда ему было шесть лет. Мо Цзиньханю тогда исполнилось тринадцать — возраст, в котором дети еще не знают ответственности, но он уже тогда поражал своей неожиданной рассудительностью.

Он до сих пор помнит ту картину: дождливый день, тринадцатилетний Мо Цзиньхань приносит его, промокшего насквозь, от мусорных баков, а затем, не меняясь в лице, тянет госпожу Мо за край платья и говорит, что хочет его оставить.

— Можно мне забрать его? Я потрачу на него все свои карманные деньги, — просит он.

Конечно, нельзя.

Госпожа Мо брезговала этим никому не нужным грязным ребенком и до смерти боялась, что в будущем придется делить наследство с чужаком. Она была категорически против, но Мо Цзиньхань все равно нашел способ оставить его у себя.

Жуань Вэньюй думал, что этот избалованный мальчик из богатой семьи просто прихотлив и скоро его выбросит, но не ожидал, что детское желание взять на себя ответственность обернется многолетней опекой, где каждая мелочь была под контролем.

Так продолжалось до девятнадцати лет, пока Мо Цзиньхань лично не отправил его прочь, после чего три года не выходил на связь.

Именно то мучительное расставание заставило Жуань Вэньюя осознать свои чувства к нему, но времени, чтобы в них разобраться, уже не оставалось.

Воспоминания нахлынули на него. Противоречивые чувства, словно две бесконечно тянущиеся черные нити, разрывали его изнутри, и он стоял ровно посередине, не зная, в какую сторону двигаться, чтобы получить желаемый результат.

Он жаждал ответа больше, чем кто-либо другой, и не раз хотел спросить напрямую, но всякий раз, стоило ему встретиться взглядом с Мо Цзиньханем, мужество испарялось без следа.

Он никогда не мог прочесть мысли Мо Цзиньханя, зная, что тот жесток, не щадит даже своих и ничем по-настоящему не дорожит.

Возможно, разрешение Жуань Вэньюю следовать за ним было лишь проявлением милосердия к сироте, внезапным порывом сострадания.

Но кто знает, как долго это сострадание продлится? Чем было продиктовано его давнее желание приютить ребенка и все эти годы упорства?

От этого он боялся услышать ответ. Человек, у которого изначально не было ничего, цеплялся за крупницы тепла, проскальзывающие в словах и поступках другого, как за единственный смысл жизни. Как он мог это отпустить?

Поэтому Жуань Вэньйу старался уловить намеки в каждой детали, но так и не решился задать вопрос прямо.

— Сяо Юй, иди ужинать, — позвал его дядя У, постучав в дверь.

Жуань Вэньйу очнулся, отозвался и, оглядев комнату, не нашел запасных домашних тапочек, поэтому просто пошел босиком.

В марте погода в Сичэне то и дело менялась, дожди сменялись холодом, и со слабым здоровьем такие перепады перенести было непросто.

К счастью, в доме работало отопление, поддерживая идеальную температуру. После душа Жуань Вэньйу не чувствовал холода, но дядя У все равно забеспокоился и поставил перед ним тапочки:

— Ну что ты, как маленький, любишь босиком бегать? А если простудишься?

— Забыл переобуться, когда зашел, — сказал Жуань Вэньйу, послушно надевая тапочки. — Не волнуйся, я теперь не такой болезненный.

— Эх, хорошо. Главное, сам следи за своим здоровьем, — дядя У смотрел на него с отеческой любовью, и морщинки в уголках его глаз стали еще глубже.

Дядя У пришел работать в этот дом в тот же год, когда появился Жуань Вэньйу, и с тех пор не мог не заботиться о бедном, худеньком мальчике.

В этой вилле, за исключением нескольких новых слуг, которых Жуань Вэньйу не знал, все остальные видели, как он рос.

У Жуань Вэньйу не было ни семьи, ни дома — это место стало его пристанищем. Все, кто его любил, были здесь, просто между ними не было кровных уз.

Из-за этого Жуань Вэньйу всегда казалось, что эту любовь он удержать не в силах.

У всех были свои близкие люди и вещи, которые им дороже всего, а он был никем, блуждая в одиночестве и получая сегодня конфету от одного, а завтра похвалу от другого.

Жуань Вэньюй знал: это не навсегда. Сегодня получил, а завтра ничего не будет.

Никто не будет дарить ему конфеты каждый день, никто не даст ему той исключительной нежности, о которой он мечтает.

Нет, может, и даст.

Но всякий раз, вспоминая холодный и глубокий взгляд Мо Цзиньхана, он подсознательно выбирал побег, не осмеливаясь проверить это лично.

За обеденным столом мужчина уже снял пиджак и остался в черной рубашке, безупречно выглаженной и застегнутой на самую верхнюю пуговицу. Коричневый галстук свисал на груди.

Он сидел прямо, на одежде почти не было складок, а на запястье поблескивали дорогие часы из розового золота — единственное яркое пятно в его образе, смотревшееся уместно и изысканно.

Перед ним стоял ноутбук, голубоватый свет экрана отражался в его глазах. По мере того как он пролистывал данные, этот слабый свет мерцал, скрывая холодное равнодушие в его взгляде и придавая ему вид человека, с которым легко найти общий язык.

Услышав шаги, он повернул голову. Его взгляд, полный властной суровости, пронзил Жуань Вэньюя насквозь, заставив сердце последнего невольно дрогнуть.

Когда он, оцепенелый, пришел в себя, то обнаружил, что уже послушно сидит рядом с Мо Цзиньханом, и в душе его тут же вспыхнуло сожаление.

Он ведь решил: даже если Мо Цзиньханю не нужно его прощение, он все равно будет помнить старые обиды — одно другому не мешает.

Поэтому, спускаясь по лестнице, он планировал сесть подальше, на противоположной стороне стола.

Но прошло три года, а мышечная память оказалась сильнее: стоило ему встретиться взглядом с этим человеком, как голова тут же пустела.

Жуань Вэньюй попытался вернуть себе гордость и решимость, уже было дернулся, чтобы встать, но в следующую секунду низкий голос заставил его замереть:

— Куда ты собрался?

Жуань Вэньюй с вызовом посмотрел на него и возразил:

— Никуда.

В глазах Мо Цзиньханя что-то дрогнуло, но в свете хрустальной люстры это было трудно разобрать.

— Ну раз так, — сказал Мо Цзиньхань, — ешь.

Слуги быстро принесли блюда. Мо Цзиньхань не одобрял расточительства, поэтому, хоть на столе и стояло пять блюд, порции были рассчитаны ровно на двоих, и каждое из них было любимым блюдом Жуань Вэньюя.

Мо Цзиньхань привычным жестом подцепил креветку и положил ему в чашку — с той же заботой, с какой когда-то ухаживал за ним за обеденным столом.

Жуань Вэньюй ложкой вернул креветку обратно и холодно произнес:

— Мне твоего не нужно.

Гордый, значит.

Мо Цзиньхань молча наблюдал за ним. Жуань Вэньюй чувствовал этот взгляд, но упорно не смотрел в ответ, молча пережевывая рис. Стоило ему проглотить кусок, как он услышал:

— Еда тоже моя.

Жуань Вэньюй тут же прикрыл рот рукой и закашлялся, едва не подавившись.

— Одежда, обувь, этот дом, — начал перечислять Мо Цзиньхань, глядя на него глубоким, агрессивным и в то же время насмешливым взглядом, — и ты сам.

— Разве хоть что-то из этого не принадлежит мне?

Жуань Вэньюй мгновенно вспыхнул и уставился на него в оцепенении, явно не ожидая таких слов.

Мужчина, казалось, не замечая его замешательства и растерянности, продолжил допрос:

— Если ты не хочешь пользоваться моими вещами, собираешься раздеться догола и уйти

прочь?

Жуань Вэньюй в изумлении расширил глаза, уши его покраснели.

— Я...

В голове была полная неразбериха.

<http://bllate.org/book/20910/2114580>